

«Чудо-книжка» в «Коньке-Горбунке» Ершова

У Ершова упоминается книжка сказок с перечнем их героев.

Как севодни я достал // От соседа — чудо-книжку! // В ней страниц не так чтоб слишком, // Да и сказок только пять, // А уж сказки — вам сказать, // Так не можно надивиться; // Надо ж эдак умудриться! <...> Перва сказка о *Бобре*, // А вторая о *Царе*; // Третья... дай Бог память... точно! // О *Боярыне восточной*; // Вот в четвертой: *Князь Бабыл*; // В пятой... в пятой... эх, забыл! // В пятой сказке говорится... // Так в уме вот и вертится...» // — «Ну, да брось ее!» — «Постой!» // — «О красотке, что ль, какой?» — // — «Точно! В пятой говорится // О *прекрасной Царь-девице*» [Ершов 1834: 62, здесь и далее цитируется первое издание].

Чудо-книжка введена в качестве предлога для упоминания Царь-девицы, затем сюжетная линия переходит от ее имени к поискам ее самой:

Мы севодни в кухне были, // За твоё здоровье пили, // А один из дворских слуг // Нас забавил сказкой в слух; // В этой сказке говорится // О прекрасной Царь-Девнице.

Однако, хотя сказка из соседской книги произнесена была по-русски (один из дворских слуг ... забавил сказкой в слух), есть непонятное русскому уху имя *Бабыл* (в поздних редакци-

ях: *Бобыл*). Весьма загадочен и персонаж *Бобр*, поскольку, во-первых, он выпадает из «титularного ряда» *Царь, Царь-Девница, Боярыня, Князь*, во-вторых, не обнаружены народные сказки, где он представлен главным героем. И, вообще, само понятие *чудо-книжка* в русской традиции было неизвестно; более того, сложено оно вопреки модели *чудо + одуш.* : *чудо-богатыри, чудо-юдо, чудо-молодец, чудо-конь*.

Но есть более существенная нестыковка. В «Коньке...» перед появлением книжки...

В царской кухне повара // И служители Двора; //
Попивали из стакана // Да читали Еруслана.

Забавно, что дворовой слуга не мог вспомнить Царь-Девницу, ключевую фигуру русской сказки о Еруслане, бывшей на слуху у всего народа. О древности и народности «Повести о Еруслане» можно узнать из слов, мимоходом брошенных неким Жителем Бутырской слободы, рецензента «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина:

«Возможно ли просвещенному, или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поему, писанную в подражание *Еруслану Лазаревичу*? Извольте же взглянуть в 15 и 16 Но *Сына отечества*. Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей *Людмила* [так!] и *Руслан* (не Еруслан ли?) <...> Живо помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *старинного* нашего песнословия, Поет и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику [так!] ...» (из рецензии («Вестник Европы» № 16, июнь 1820), процитированное в ответе Александра Пушкина [Пушкин 1820] и во втором издании поэмы (1828)).

Стало быть, необходимость во введении второго сборника сказок ради Царь-Девницы не было — было достаточно и упомянутого *Еруслана*.

Так зачем нужна была *чудо-книжка*?

Увеличение числа строк поднимало и гонорар. Допустимая причина.

Бессмыслица. Или наоборот, зашифрованное послание Автора, с заданным в тексте семантическим кодом.

Рассмотрим ряд сказок (по нумерации) и их протагонистов, выделенных в тексте курсивом, здесь подчеркиваем.

1. Бобр. 2. Царь. 3. Боярыня восточная. 4. Князь Бабыл (позднее: Бобыл). 5. прекрасная Царь-девица.

Какие наблюдаются закономерности в расстановке имён?

1. Животное (1.) : Человек (2.-5.).

2. В свою очередь, титулатура группы «Человек» делится, чередуясь, наполовину по гендерному признаку.

По поводу парности мужского и женского, можно отметить то, что в народе властные титулы придаются в любовную среду, в семантику свадебного обряда: боярыня 'любимая'; князь 'жених'.

В качестве возможности рассмотрим группирование по любовной линии, осложненное возрастным ранжированием старый: молодой (что наблюдается в финале «Конька...»):

Царь ~ Боярыня, Князь ~ Царь-девица.

Важен и другой вопрос — написание капитулом Автор передает имя собственное или нарицательное? Для решения сравним их написание со строчкой в строфе, завершающей «Конька...» (пьют бояре со Князьями...) и с отрывком «кухонной беседы» слуг (о царях мы уж слышали; // Нам девиц-то поскорей!).

Боярыня, Царь, Девица, в отличии от безличных бояр, царей, девиц (за исключением Князей) — обращение, именование. Следовательно, в исследуемом сборнике сказок группа персонажей названа и по имени, и по титулованию.

3. Обнаруживается фонетическое сходство имен.

Бабыл (БОбыл — в канонической редакции) — БОБр — БОярыня.

Какие выводы можно сделать?

Обнаруживается определенная семиотика имен персонажей пяти сказок *чудо-книжки* в рамках русскоязычной картины мира, но при этом в русской литературе не обнаруживается источник. Вполне возможно, что а) количество сказок названо произвольно; б) если не мистификация, то источник необходимо искать не русскоязычный.

Возможно, под описанием *чудо-книжки* скрывается двухтомное англо-французское издание «Альгамбры» Ирвинга [Irving 1832].

Им немало строк отдано рассказам о легендарном арабском правителе *Woabdil* (Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как *Боабдиль*). Предполагаем, что это имя стало источником для ершовского *Бабыл* (*Бобыл*). Сближением *Woabdil* под более близкое к русскому читателю слово, видимо, является и *Бобр*. На это указывает близость инициальных консонантов *b-b-* и *б-б-*. Если так, то а) латентно *Бобр* входит в приведенную в п.2 линейку правителей; б) разрешается вопрос с отсутствием таких русских сказок, где бобр становится главным героем.

Ирвинговская новелла *Legend of the Arabian Astrologer* может быть скрыта в крайне сжатом описании сказок о *Царе* и *Боярыне восточной* (вторая [сказка] о *Царе*; Третья... о *Боярыне восточной*), сгруппированные по гендеру, как показано выше. Приведенная схема способна разворачивается в сюжет (речь идет о пушкинской «Сказки о золотом петушке» (1834) и наброске «Царь увидел пред собою...» (датируемый 1832 годом, т. е. когда вышел ирвингский двухтомник), на которые и повлияла *Legend of the Arabian Astrologer* Ирвинга, как показала Анна Ахматова [Ахматова 1933]).

О близости «Альгамбры» к замыслу «Конька...» уже говорилось в контексте вариации сюжета АТ 530 (= АА 530А. Сивко-бурко) в новелле *Legend of Prince Ahmed al Kamel, or, The Pilgrim of Love* [Бараг, Новиков, 1985:389]. Есть и такое совпадение. В завершении сборника приводится новелла *Notes to «The Enchanted Soldier»*. Из нее узнаем о перстне царя Соломона, потерянным и найденным в брюхе рыбы. В третьей части «Конька...» чудо-юдо рыба-кит (кит-рыба) помогла Ивану-дураку найти перстень Царь-девицы. Такого сюжетного хода русские

сказки не знают, следовательно, путешествие за перстнем в окяин введено в текст Автором.

Подводя итог, отметим главное: упоминание *чудо-книжки* в сказке Ершова «Конёк-Горбунок» не имело сюжетной необходимости, а служило, вероятно, скрытой отсылкой к произведению Ирвинга Вашингтона «Альгамбра».

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова 1933 — *Ахматова А. А.* Последняя сказка Пушкина // Звезда, 1933. — № 1. — С. 161–176.

Бараг, Новиков, 1985 — *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984–1985. — (Лит. памятники). Т. 2. — 1985. — С. 389–459. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/af2/af2-389-.htm>

Ершов 1834 — *Ершов П. П.* Конек-Горбунок. Русская сказка/ В III частях. — С.-Пб.: Типография Гинцы, 1834. URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1817>

Irving 1832 — *Irving, W.* Les contes de l'Alhambra, précédés d'un Voyage dans la province de Grenade; traduits de Washington Irving, par M-lle A. Sobry, traducteur de Lady Morgan, le Coin de feu d'un Hollandais, etc. — Paris, 1832.

Пушкин 1820 — *Пушкин А. С.* Прибавления к поэме [Руслан и Людмила] // Сын отечества, 1820. — № XXXVIII.

Об отсутствии в украинском языке понятия *вій* и времени фиксации в словарях онима *вій*

Обыкновением стало считаться, что в украинском языке нет и не было слова *вій*, а в фиксации его в лексиконах происходит благодаря авторитету Гоголя (начиная со «Словаря української мови» Гринченко (1907)) [Ито 1989: 455]. Иногда называется и 1855 год, когда в «Известиях Академии Наук по отделу русского языка и словесности» поместили «Словарь малорусского наречия» А. С. Афанасьева (Чужбинского). Автор дал следующее дефиницию: «Вій, гном, упоминаемый в сказках» [Афанасьев-Чужбинский 1892: 316], опираясь на определение Гоголя и мистифицируя Читателя сообщением

о фиксации слова. *Словарь...* А. С. Афанасьева так и не стал словарем.

Однако типичными украинскими словами являются и *вій*, *віє* — словоформы глагола *віяти* 'веять; дуть (о ветре)'. Тем удивительней, что для Гоголя, писавшего на русском, и думавшего на родном языке, непонятное слово *Вій*, вызывающее неосознанно Страх и Ужас уже в заглавии повести [Ито 1989: 458], ассоциировалось с другими близкозвучащими словами, особенно *вій* 'вой'.

— Приведите Вия! ступайте за Виєм! — раздались слова мертвеца.

И вдруг настала тишина в церкви; слышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучащие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека.

Это именно Автор непроизвольно их совместил в тексте, поскольку, как писала Левкиевская, «волчьего воя, сопровождающего появления персонажа, ... прямых параллелей в народной традиции нам обнаружить не удалось» [Левкиевская 1998: 309].

Итак, *вій* или *вій*, не противоречит данным украинского языка.

Рассмотрим ряд украиноязычных словарей, идя вниз по шкале времени. В угловых скобках < > дается перевод.

[ЕСУМ I: 397]

Вій — див. *вія*, в отсылочной статье: «міфічна істота з повіями до землі» [ib.: 408]

вій — див. *віти*¹, в отсылочной статье: «шар плетеного тину; жмут хизу в тині» [ib.: 383]

В гнездо омонима *вити*² 'выдавать протяжии звуки' [ib. 384] входят *вій* 'протяжный звук'.

[Рудницкий I: 420—421]

вії, Gpl. вій: вія

вій 1. 'a bundle of brushwood (dry branches)', ModUk. Only. — Syn. *в'язка*.

Derived from *віти*¹, q. v.

вій 2. Gpl.: вія

Вій 'chief of gnomes, spirit of earth', first introduced by Гоголь in 1835 («Миргород»), Ru.

[Гринченко I:236]

Вій, во́я, м. Жмутъ хворосту при заплетаніи плетня. Мнж.177. Полоса плетня (въ длину). *Пліе маєш городити на сім воів.* Вх. Зн. 7. Ум. Війок. Мнж. 177.

Вій, вія, м. Миѳическое существо съ вѣками до земли.

[Желеховский I: 105]

I Вій, т. Др. с. 13. pl. віі, Augenwimpern <'ресниці'>, pl.; 2) Geisterkönig mit sehr langen <'Король призраков с длинными'> віі <'ресницями'>, Пис.

II Вій, gen.вою [віти], т. Zaunschichte <?>, f.

Последнее близко к [Miklosich 1886: 390]

vöj *zaunchichte*, s.v. vi- (vĭ-) 1. *winden* <'вить'>.

Таким образом, приходим к следующим наблюдениям.

1. *віі* является частью украинской речи, оглагольным (*віти* 'вить') существительным.

2. Первая лексикографическая фиксация мифонима *Вій* относима не к Словарю Гринченко (1907), а двуязычному словарю Желеховского (1886).

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев-Чужбинский 1892 — Афанасьев-Чужбинский А. С. // Словарь малорусского наречия//Собрание сочинений Афанасьева (Чужбинского) / Под редакцией П. В. Быкова. Т. IX. — С.-Петербург: Книгоиздательство Герман Гоппе. — 1892. — С. 289—464.

Гринченко I — Словарь української мови / зібрала редакція журналу «Київська старина». Упорядкував, з додатком власного матеріалу, Борис Грінченко. / в 4 т. Том I. А—Ж. — Київ. — 1907.

ЕСУМ I — Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 1: А—Г / Укл.: Р. В. Боддирев та ін. — К.: Наук. думка, 1982. — 632 с.

Желеховский I — Малорусский-німецкий словарь/ уложив Євгеній Желеховский ц.к. професор гімназії в Станіславі. Том I (А—О). — Львів. — 1886.

Левкиевская 1998 — *Левкиевская Е. Е.* К вопросу об одной мистификации, или гоголевский Вий при свете украинской мифологии // *Studia mythologica Slavica*. — Ljubljana; Piza, — 1998. — Т. 1. — С. 307—315.

Ито 1989 — *Ито, Ичиро.* Общеславянский фольклорный источник гоголевского «Вия» // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* — 1989. — Т. 48. — № 5. — С. 454—459.

Рудницкий I — *An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: 2 Vols. / By Jaroslav B. Rudnyс'kyj. Volume I: A—G (A—Г).* — Winnipeg: Ukrainian free Academy of Sciences, 1972. — LXXXVI + 968 с.

Миклосич 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. — Wien: Wilhelm Braumüller. — 1886.

Див-Рыба

В 1835 году в IX томе «Библиотеки для чтения» опубликованы «Песни западных славян» А. С. Пушкина, где под номером 15 шел *Яныш королевич*. В стихотворении упоминается владычица морская Див-Рыба.

Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба».

Цикл *Песен...* (из 19 произведений опубликованы 16), как известно, содержит большей частью (11 стихотворений) перевод «Гузлы» — мистификации Мериме. О переводе и пишет Пушкин в примечаниях:

«Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю».

Перед нами мистификация в квадрате. Ведь...
...«прямые источники песен «Яныш королевич» и «Воевода Милош» пока не обнаружены. Видимо, — пишет исследовательница *Песен...* О. С. Муравьева — это оригинальные про-

изведения Пушкина, искусно стилизованные под фольклор. Хотя Пушкин в своем примечании к «Янышу королевичу» ссылается на некий подлинник, из которого он перевел «только первую часть, да и то не всю», это сообщение вполне может являться мистификацией, нужной для того, чтобы нарочно «перепутать» свои произведения и переводные. Недаром Пушкин не называет этот предполагаемый подлинник и даже не говорит, с какого языка переводит (в других случаях он прямо писал: «Прекрасная эта поэма взята мною из собрания сербских песен Вука Стефановича»). Считается, что «Яныш королевич» — это первоначальная обработка сюжета «Русалки» [Муравьева 1983: 152—153].

Последнее замечание не только переносит датировку замысла с года публикации (1835) на десять лет назад, но и дает направление развития образа. От русалки к водяной царице, по пути усложнившееся образом Див-рыбы, создавая мифологичное пространство, разделенное водой морской и речной.

Бинарный образ не обнаруживается в фольклоре в таком целостном виде, но по отдельным элементам, безусловно, присутствует, что и могло влиять на фантазию Пушкина. Если отталкиваться от родового *рыба*, то А. С. Пушкину были знакомы Кит-рыба (рыба-кит) из «Конька-Горбунка» и «кит-рыба всем рыбам мати» в «Голубиной книге» (в «Древних российских стихотворениях...», 1804, 1818) (об ее влиянии на «Сказку о золотой рыбке» — см. [Мурьянов 1971]). Если брать черты волшебной владычицы морской, то она отчасти проявляется в «Сказке о золотой рыбке», связанной с замыслом «Песен...». Черновой текст «Сказки...» в конце имеет помету «14 окт. 1833. Болдино. 18-я песнь сербская», а в наброске плана «Песен...» 1834 года она фигурирует как «Рыбакъ и рыбка» (зачеркнутый вариант: «Сказка о рыбацкѣ») [Пушкин 1935; Мурьянов 1971]. Затем, «18 песнь» была напечатана в X томе «Библиотеки для чтения», после 15-ой в IX.

Полагаем, что образ *Див-Рыбы* возник как не основное направление (спин-офф) развития замысла «Рыбака и рыбки», одновременно слившийся со схожей по функции

царицей водяной. Этот образ, в свою очередь, возник как бифуркация (раздвоение) протообраза Русалки 1825 года, получив характеристики Водяницы и ее могущественной матери.

ЛИТЕРАТУРА

Муравьева 1983 — *Муравьева О. С.* Из наблюдений над «Песнями западных славян» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — Т. 11. — С. 149—163. Электронная публикация: ФЭБ. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isb/isb-149-.htm>.

Мурьянов 1971 — *Мурьянов М. Ф.* К тексту «Сказки о рыбаке и рыбке» // Временник Пушкинской комиссии, 1969 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — С. 103—106. Электронная публикация: ФЭБ. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v71/v71-103-.htm>

Пушкин 1935 — *Пушкин А. С.* [Перечень стихотворений из «Песен западных славян»] // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. — М.; Л.: Academia, 1935. — С. 280—281. Электронная публикация: ФЭБ. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-2802.htm>

Об источнике казахской сказки из архива А. С. Пушкина

«В архиве Пушкина, хранящемся в Институте литературы Академии Наук СССР (собрание П. Е. Щеголева), находится еще неопубликованная запись старинного казахского (или, по-старому, киргизского) предания о батыре Косу-Корпече и его возлюбленной Баян-Слу. Запись сделана чернилами, неизвестной рукой, на пяти листах большого формата».

Так начинается статья (далее цитаты из нее приводятся курсивом без упоминания источника) 1937 года известного пушкиниста Л. Б. Модзалевского, исследовавшего найденную рукопись и первым ее обнаруживший.

Им указано на самую раннюю публикацию варианта *истории Косу-Корпеча и Баян-Слу* — в «Образцах народной литературы тюркских племен» (СПб., 1870, т. III) гениального тюрколога Вильгельма Фридриха Радлова, записавший попу-

лярное казахское сказание вблизи Сергиополя, *неподалеку от мнимого памятника Косу-Корпечу*.

Отсутствие сведений о публикации сказки при жизни А. С. Пушкина позволило сделать автору статьи следующие выводы:

«Таким образом можно считать установленным, что Пушкин был знаком с одним из замечательных памятников народного казахского творчества, о котором до самого последнего времени русские читатели и писатели не имели ни малейшего представления. <...> Нахождение записи казахского предания в бумагах Пушкина — еще одно доказательство того, что ему „дороги были трудящиеся всех национальностей, дорог был каждый язык, каждая культура“».

Однако сказка могла быть знакома А. С. Пушкину из ее первой публикации в 1830 году, в мемуарах «генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды» [Броневской 1830] из журнала «Отечественные Записки»; нужный экземпляр был в библиотеке Пушкина (№ 495 по Каталогу [Модзалевский 1910]).

Если это так, то тогда для Пушкина текст рукописи становится комплементарным к напечатанному. В записи даны пояснения для топонимов («Тенис — море»); добавлены новые эпизоды, связанные с персонажем *Кул(ь)* (Кул — популярное имя); и, наоборот, уже известные места упущены (завязка с охотой, описания внешности «Косукурпеча») или обрисованы схематично (про отца и мать «Косукурпеча»).

Но на подстрочник перевода текст непохож. Он содержит: церковнославянизмы, включая синтаксис и канцеляризм (сей, оный, паства); звукопись обычных слов и топонимов (Аегузь, Косукурпечь; в глаголах ...*тца* вместо ...*ся*; *мущина*, *не щитал*). В записи не обнаруживаются характерные особенности строя тюркского языка.

Суммируя сказанное, допустимо видеть историю исследуемой рукописной сказки следующим образом: ее написал на слух русскоговорящий, владеющий грамотой и знакомый с деловой письменностью; диктовал человек, знакомый с текстом сказки, как по источнику (пересказ или перевод), так

и по публикации 1830 года, ориентируясь по которой редактировался произносимый текст.

Приложение I.

Запись из пушкинского архива по Модзалевскому

Река Аегузъ, вытекающая из гор Тарбагатая [некогда знаменитая своими рудокопиями] и впадающая в большое озеро Балкаш или Тенис на половине течения сей реки на дороге, идущей из Семиполатной в китайский город Кулжу [близ ныне] от открытаго на сей реке аегускаго округа около 50 пер. в память исторического романа батыря Косукурпечя и любезной его Сулу-баяне, сделан из [гранитового] камня памятник вышиною до 9 сажень, внутри оно поставлены 4 статуи 1-я Косу-Курпечь 2-я Сулу-баяни и еще к сему роману принадлежащих 2 статуи всех 4-е.

Предание о сем романе у кыргыз в песнях передаетца в следующем изъяснении.

В прежние времена жили два приятеля, кои хотели еще боле между собою сблизитца, положили завет родившиися от них первые дети мужеска и женска пола [должны] соединить браком. В скором времени родился у одного сын названной Косукурпечь, а у другаго дочь Сулу-баяна, у Кусу-курпеча отец помер. Малолетний сын от сего пришел в нищету, а отец Сулу-баяны более разбогател и не желая дочь отдать за бедняка, откочевал в отдаленные страны. Между тем Косукурпечь начал возмужать и осведомился, что за него помолвлена невеста по имени Сулу-баяна [но] отец которой откочевал неизвесно куда, Косукурпечь [почувствовал обиду] удалением его суженой почувствовал желание отыскать ее и по праву высватания взять заму<же>ство. Пустился в путь отдаленный, неизвестный, странствуя по аулам напоследок достиг того места, где живет Сулу-баяна, видая ее часто занимаясь паствою и уборкою скота, вместе получили [некотору] склонность, не зная однакожь что оно засватаны. В одно время в ауле отца Баянны

сделался набег, мушины и здоровые женщины пустились на защиту, а Косукурпечь и Сулу-баяна остались одни в табунах скота и доением кобыл. Присем случае открылась склонность Баяны, но Косукурпечь чувствуя свою бедность и оттого некоторое рабство, не считал вправе приступить к взаимной любви, но взаимность и условие отцев привела их в страстных любовников.

Родные и женихи Баяны, заметив сие, препятствуя намерениям любящихся старались отклонить любовь их и в особенности соперник Куль, которой всячески желал погубить Кусукурпеча. Однажды съехавшись в поле Куль и Косукурпеч, последний требовал у Кула удачного выстрела в мизинец, какой исполнил желание удачно отстрелив у Кусукурпеча мизинец и как стрела его была вымазана ядом и оттого Косукурпечь вблизиных горах находил<ся> в мучении болезни. Сулу-баяна, невидя возлюбленного, отыскала его в умирающем положении. Все старания ее кызлечению остались тщетны, после чего прибегла к усердным молитвам богу. Как были услышаны явился ей почтенных лет старец, который спросил что она желает, которая просила оживить возлюбленного на три дни, что и было исполнено. Где Сулу-баяна и провела с Кусукурпечем в совершенной радости и веселье, песни слышали родные ее. Покончившы 3 сутки Косукур. помер [Сулу-баяна похор].

Сулу баянна, обратясь в аул свой, увидясь с женихом своим Кулом объявля ему что она лишилась возлюбленного своего и желает смыть лютую печаль свою, просит Кула выкопать колодец своими руками и достать свежей воды, которой она умоетца. Колодец был готов и дабы несомневался Кул последствий Баяна при спуске вколодец Кулу, дала держатца за длинные ее косы, кои она обрезала и Кул пал в колодес, где Сулубаяна поспешила его забросать землей, сама пришла в кибитку отца, легла между сестрами и подругами. Поутру нашли ее заколовшуюся.

Приложение II.

Запись С. Б. Броневского

Есть Киргизская сказка о Баян Суле и Кузу-Курпече, относящаяся до сего памятника, следующего содержания:

Два Киргизца по имени Акбай и Карабай, имели по одной жене в беременности; случилось им быть на охоте. Акбай, увидев самку маралла [так!] с детищем пробегающую, прицелился из ружья, но не стал стрелять из жалости; Карабай же, без предварительного условия, тоже сделал. После охоты они сойдясь спрашивали один другого, почему не застрелили маралла. По взаимном объяснения обнаруженное чувство сострадания к невинному животному сочетало сердца их приязнию, они поклялись сохранять вечное дружество и естли [так!] жены их принесут одному сына, а другому дочь, непременно их женить, — буде сыновей, то сделать братьями а дочерей сестрами [так! без запятой]. У Акбая родился сын Кузу-Курпечь, а у Карабая дочь Баян-Сулу [так!]. — Акбай в скорости [так!] помер, а Карабай, видев сиротство и бедность его сына, начал колебаться в данной клятве и откочевал в дальния степи. Кузу-Курпечь, придя в 15 летний возраст и зная, по внушению родственников о своей нареченной, убедил мать свою позволить ему пуститься ее отыскивать. Изъездив большое пространство степей, приблизился к неизвестному Аулу; где встретил случайно Карабая, который его вопрошал: куда он такой молодой мальчик один едет! Кузу-Курпечь [так!] отозвался, что будучи бедным сиротою ищет работы, хотя пасти баранов. Зная, что по обычаю Киргизскому, ходят за баранами девицы, ухищрялся чрез то с невестою своею иметь случай увидеться, что счастливо и сбылось, когда Карабай, ничего не подозревая [так!], принял его к себе из сострадания. — Кузу-Курпечь был очень красив и волосы на голове имел золотого цвета, а Баян-Сулу столь славилась своими прелестями, что около сорока знатных Киргизцев, дабы наслаждаться иногда ея взорами, под таким же предлогом из разных мест находились в работниках у Карабая. Кузу-Курпечь нечаянно обна-

жил свою золотую голову, до того скрываемую под пузырем. Баян-Сулу, по предсказанию узнала своего жениха, и они, заключив тайно союз супружества, не долго оным наслаждались; ибо соперники его скоро проникнули и объявили отцу о том. Раздраженный Карабай научил одного лютейшаго из них отвезть Кузу-Курпеча в лес и умертвить, что тогда же и исполнено. Баян-Сулу, узнав о сем несчастии, прельстила убийцу многими обещаниями, открыть ей место, где тело ея Кузу-Курпеча находится, и когда желание ея было исполнено, то она предалась всем терзаниям горести, среди которой явился пред нею дух, в виде старца, и вопрошал: о чем так сокрушается? Баян сказала, что она лишилась милого друга, обреченного ей еще в чреве матери, и естлибы [так!] хотя три дни он мог жить, она ничего в свете более не пожелала бы. Старик ей сказал: достань из колодезя воды, и вспрысни ею мужа, он встанет. Колодезь был очень глубок и она никак не могла почерпнуть воды, но имея косы весьма длинные просила убийцу опуститься на них; что он лишь исполнил и подал ей чашу с водою, как Баян отрезала косы и утопила его в колодезе, а сама, оросив водою Кузу-Курпеча, оживила его. Супруги, в продолжении трех дней наслаждались восторгами любви; по прошествии трех дней Кузу-Курпеч умер, а она, обняв тело и обратив к себе острие кинжала, закололась. — В таком положении верные супруги и любовники найдены жестоким и злополучным отцем и погребены при реке Аягузе. Над ними собою выросли две великие ветлы, наклонившияс одна к другой, и ветвями своими переплетенныя (что действительно существует в натуре). Народ, в воспоминание сего события, сделал каменные две статуи а третью няньки Баян, и над сими статуями сооружена пирамида. — Киргизцы вообще знают сию сказку и поют ее с Кобузом очень заунывно.

ЛИТЕРАТУРА

Броневский 1830 — *Броневский С.Б.* Киргизская сказка о Баян Суле и Кузу-Курпяче/ Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды// Отечественные Записки. Вып. 43. — С.-Пб. — 1830. — С. 251—256.

Модзалевский 1910 — *Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Импер. акад. наук. — С.-Пб. — 1910. — Вып. 9/10. — С. 1—370. URL <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps9/ps93001-.htm>

Модзалевский 1937 — *Модзалевский Л. Б.* Запись казахского предания в архиве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — [Вып.] 3. — С. 323—325. URL <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v37/v372323-.htm>